

Н. Г. Гарин-Михайловский

**Студенты. Семейная хроника
- 3**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Г20

Гарин-Михайловский Н.Г.
Г20 Студенты. Семейная хроника - 3 / Н. Г. Гарин-Михайловский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 152 с.

ISBN 978-5-458-03569-9

Переиздание книг из цикла автобиографических повестей
прогрессивного русского писателя конца XIX в. Николая Георгиевича Гарина-Михайловского.

Для старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-458-03569-9

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Гарин-Михайловский Николай
Георгиевич
Студенты (Семейная хроника -
3)

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

Студенты

Тёма и его друзья

Из семейной хроники

"Студенты" (1895 г.) и "Инженеры" (незаконченная) - две последние повести тетралогии Н.Г.Гарина-Михайловского. Прослеживая дальнейшее становление характера своего героя - Артемия Карташева - автор дает в "Студентах" широкую картину жизни, быта и настроений студенчества. В тетралогии художественно преломился богатый и разнообразный жизненный опыт писателя, отразилась современная ему русская действительность предреволюционной эпохи. Горький называл тетралогию "целой эпопеей".

I

- Один ксендз исповедовал одну молодую даму... Она призналась ему, что изменила мужу... Он прочел ей суровую нотацию... Кончив, он спросил ее: "Кто же ваш обольститель?" Она назвала имя его начальника. Тогда ксендз заговорил: "Лестно, лестно, это даже очень лестно..."

Карташев заерзал на стуле, изображая ксендза...

- Тёма!?

Действие происходило в деревне у Карташевых в столовой во время обеда. Мать Тёмы, Аглаида Васильевна, положив нож и вилку, смотрела на сына, но тот предпочитал в это время смотреть в раскрытое окно в сад, там, в саду, была тень и было солнце, было весело, как только может быть весело летом в деревенском саду, так же весело, как было теперь на душе Карташева, и мысль, что он успел-таки рассказать то, что вдруг подвернулось ему на язык, еще больше веселила его.

Корнев, гостивший опять у Карташевых, не мог удержаться от улыбки, глядя то на глуповато-довольное лицо приятеля, то на огорченно-строгое лицо его матери. Он улыбался, хотя в то же время и старался, чтоб Аглаида Васильевна не видела его улыбки и тем не рассердилась на сына еще больше. Наташа кончила есть свое жаркое и равнодушно-задумчиво смотрела пред собой. Ее лицо как бы говорило: не стоит обращать внимания на Тёмины глупости, а только жаль, что он с каждым днем делается все меньше похожим на того идеального Тёму, которого она так любила когда-то.

И Аглаида Васильевна, точно прочитав мысли Наташи, принимаясь за переваренную еду, заметила с горечью:

- Было время, я мечтала, что из моего сына выйдет Вальтер Скотт...

- А вышел просто скот, - ответил Карташев в тон матери и уныло-комично опустил голову.

Удержаться было нельзя: все рассмеялись, и даже Аглаида Васильевна, улыбнувшись, произнесла:

- Это только потому хорошо, что верно.

- Да, скотина порядочная, - сказал весело Корнев и сейчас же прибавил: - Прошу извинить за выражение... Такие господа, как Тёмка, невольно выводят из рамок приличий... Гм! Гм!

- Все вы хороши, - ответила Аглаида Васильевна. - Я часто думаю... Мне даже раз сон приснился: будто масса молодежи... и все такая прекрасная, и я говорю: "Господа, столько прекрасной молодежи, а где же хорошие люди?"

- Да, хороших людей мало, - согласился Корнев. Когда обед кончился и все встали, Корнев запел:

Быстро молодость промчится.

Так не лучше ли пока

Жизнью вдоволь насладиться:

Жизнь ужасно коротка.

- Это откуда? - поинтересовалась Аглаида Васильевна.

- Из "Прекрасной Елены", - предупредительно ответил Корнев.

Аглаида Васильевна махнула только рукой и пошла к себе.

Это был последний обед перед отъездом из деревни сперва в город, а затем и в Петербург.

Под вечер в последний раз собирались прокатиться в степь.

- Тёма, поедем верхом, - предложила Наташа.

- Я верхом не поеду, - решительно заявил Корнев.

- Я не вас и зову.

- Я согласен, - ответил Карташев.

Наташа поехала на своей Голубке, Карташев на Орлике.

- Хочешь, поедем в Криницы... - предложил брат. - Может, Одарку увидим...

Как странно: Одарка замужем...

- Хорошо... Маму надо спросить...

Аглаида Васильевна разрешила, и брат с сестрой поехали в Криницы.

Солнце садилось. Орлик избалованно шел полурысью, и Карташев, зная, что мать наблюдает за ним из экипажа, с красивой посадкой, рисуясь и маскируя это, лениво шурился в ту сторону, где сверкали пруды Криницы. Наташа, худенькая и грациозная, держала себя просто и естественно.

- Зачем ты все хочешь увидеть Одарку? Ты говорил, что она тебе больше не нравится? - спросила его сестра.

- А может быть, она мне опять понравится?

- А если бы понравилась, ты стал бы за ней ухаживать?

- Я не знаю... - ответил Карташев тоном, задевшим целомудренную Наташу.

- Ну, так поезжай один. - И Наташа повернула свою лошадь.

Карташев засмеялся.

- Ну, не буду.

Наташа остановила лошадь.

- Честное слово?

- Ну, какое тебе дело?

- Уеду.

- Ну, честное слово, - рассмеялся Карташев.

Наташа опять повернула свою лошадь в Криницы, и брат и сестра поехали рядом.

Залитая солнцем, уютно сверкала опрятная деревня. Точно туман или пыль от лучей подымалась над рекой и окутывала ее золотистою дымкой заката. Солнце спокойно исчезало за горой. Высокая перекладина колодца у въезда в деревню на широкой лужайке, равномерно поскрипывая, медленно поднималась и опускалась под усилием какой-то бабы.

- Вот Одарка! - показала вдруг на нее брату Наташа.

Карташев не сразу поверил. Эта неуклюжая, повязанная, загорелая дурнушка -

Одарка?

Но это была она.

- Одарка?! - воскликнул пораженный Карташев.

Одарка подняла сконфуженно свои все еще прекрасные глаза. Но вдруг, увидя по дороге пару волов и воз, она испуганно заговорила:

- Едьте, едьте, ради бога... Конон!

- Едем, Тёма, - строго приказала Наташа.

Они повернули своих лошадей и оба смущенные молча поехали назад мимо Конона, мужа Одарки. Карташев возмущенно отвел от него глаза.

- В один год всего что он с ней сделал...

Они долго ехали молча.

- Если б я знал, лучше бы не ездил. Одарка оставалась бы все такой же прекрасной... И дурак Конон воображает, что еще можно ухаживать за ней.

Наташа не сразу ответила.

- А душевная перемена еще тяжелее переживается, - рассеянно проговорила она.

С своей обычной болезненной гримасой она посмотрела вперед и опять замолчала.

- Ты на мою перемену намекаешь? - спросил уже серьезна задетый вдруг Карташев.

- Это нечаянно само собой вышло... да. Не только на твою... у вас всех перемена...

Брат напряженно сдвинул брови и искал ответа.

- Нет... если серьезно говорить, то ведь это только поверхностно... Ну, подразнить, что ли, иногда захочется...

- Нет, Тёма... громадная перемена.

Карташев пожал плечами.

- Может... - И, вздохнув, он прибавил: - А нехорошая штука жизнь портит людей.

Наташе еще тяжелее стало от слов брата. Она выпрямилась, точно хотела сбросить с себя эту тяжесть, и энергично проговорила:

- Нет, это пройдет... Ты опять будешь такой же идеальный... Но!

Она подняла свою лошадь в галоп, Карташев тоже поскакал с ней рядом и все думал о том, - действительно ли он переменился и в чем было то идеальное, чего теперь нет в нем, конечно.

Наступал вечер, в степи где-то замирала песня. Воздух звенел от кузнецов, стрекотавших без умолку где-то близко по обеим сторонам пыльной дороги. По временам вдруг выше поднималась песня и звонко неслась по степи. Звонкий голос парубка пел:

Нехай кажут, нехай кажут,

Мусят перестаты,

Як уйду я на Україну

Іншую шукаты.

Да, да, думал Карташев, и он уедет в Петербург, и прощай все прошлое... то далекое, милое...

Затихла песня, степь замерла в неподвижном очаровании вечера, сердце больно и сладко сжалось о милом далеком прошлом и так рвалось к нему...

Они молча доехали до усадьбы. Карташев как-то особенно любил в эти минуты свою сестру.

Он помог ей соскочить у подъезда с седла, и когда она встала на землю, он обнял ее и горячо поцеловал. Наташа тоже быстро, горячо поцеловала брата и с манерой матери, махнув рукой, быстро смущенно прошла в дом.

Карташев же, передав лошадей Грицько, пошел в сад и, гуляя по аллее взад и вперед, все думал о том, что он теперь большой уже. Через месяц он уедет в Петербург и будет жить новой, совсем новой, особенной жизнью. Там он будет другим человеком. Он станет серьезным, будет заниматься, будет ученым, - новый мир откроется перед ним, захватит его своим интересом, и забудется он в нем и потеряет все то, что пошлит людей, что берет верх над духовным только в пустой, бессодержательной жизни.

Карташев ходил, жадно и энергично вдыхал в себя ночной аромат старого сада, и когда его окликнул с террасы Корнев, он весело и возбужденно ответил:

- Иду!

Из мягкой темноты он попал в яркую столовую, где сидели за чаем все и смотрели на него - Наташа, ласковая и повеселевшая, добродушный Корнев, мать, Маня. И все казались ему и оживленными и жизнерадостными, и он с наслаждением принял свой стакан чая, пил его и все думал о Петербурге, а когда кончил чай, подошел к матери и горячо поцеловал ей руку. Он был скончен на ласки и, как отец его, несообщителен на чувства, и этот поцелуй и удовлетворение его души передались матери и всем. Вечер прошел незаметно, все были в духе, в том настроении, когда все кажется таким уютным, когда так хорошо поются, в знакомой налаженной обстановке, грустные малороссийские песни. И Корнев с Маней их пели, а Карташев с матерью сидели на террасе. Аглаида Васильевна говорила сыну:

- Ты у меня умный, и добрый, и хороший, Тёма, и я не сомневаюсь, что господь благословит твою жизнь... Но, милый Тёма, поверь ты мне... Я много видела в жизни, и кому же, как не тебе, передать мне свой опыт? Помни, Тёма, что единственная опасность, которая грозит тебе, - это если увлечешься в Петербурге и попадешь в те кружки, откуда выход на эшафот, в каторгу...

- Мама!

- Все, Тёма, погибнет тогда... все! и ты и твоя семья, для которой ты радость жизни превратишь в тяжелое горе... такое горе, которого не выдержу я, Тёма.

Аглаида Васильевна, взяв руками голову сына, поцеловала его горячо в лоб. Разговор продолжался, но уже о молодых - Зинаиде Николаевне и Неручеве. У них не все шло так гладко, как хотелось Аглаиде Васильевне, и она жаловалась на Неручева.

В последний раз на другой день утром обходили Корнев, Наташа и Карташев сад, заглядывали в конюшню, прощались с лошадьми. Корнев смотрел на все равнодушно, как на что-то уже чужое для него, оторванное, к чему он не возвратится больше никогда. Там ждала другая жизнь, там в ней большая или маленькая, но его доля, и интересно было увидеть скорей эту свою долю.

Наташа была равнодушна, сдержанна и как будто рассеяна. Корнев иногда пытливо останавливал на ней взгляд, иногда по лицу его пробегало сомнение, но чаще он говорил себе: "Ерунда", - и старался держаться непринужденно, как человек, который и в мыслях не держит посягать на что-либо. Наташа же только

видела его желание подчеркнуть это и всем своим образом действий как бы отвечала: но ведь и я не ищу ничего. И когда им удавалось убедить в этом друг друга, они оба еще более становились спокойными, равнодушными и скучными.

- Спойте на прощанье, - обратилась Наташа к Корневу, когда они возвратились в дом.

- Нет, не хочется... Надоело... Надоело все.

- Ну, вот уж скоро, скоро в Петербург, - ответила Наташа с своей обычной grimасой.

- Что ж Петербург? Я и от него ничего не жду. Высылать мне будут тридцать рублей в месяц, при таких деньгах не разживешься. Комнатка где-нибудь на пятом этаже да лекции... в театр и то не на что будет ходить.

- Уроки будете давать.

- Какие уроки? Нашего брата там, как сельдей в бочке.

- Но другие же дают.

- Дают, кому бабушка ворожит.

- Дают, кто брать умеет.

- Ну, кто брать умеет, - жечко согласился Корнев, - а нам куда? Мы люди маленькие... уже подрезанные, готовые.

- Не говорите же так...

- Отчего не говорить? Истина тяжела, но еще тяжелее отсутствие сознания этой истины, Наталья Николаевна... Нет, уж лучше знать...

- Да ведь откуда вы знаете?

- Э-э! Знаю... Чувствую-с...

II

Карташевы приехали в город, и текущие интересы дня поглотили все их внимание. Карташева обшивали с ног до головы, как на свадьбу. Шили ему белье, платье, пальто, шубу. В пиджаке он будет ходить на лекции, в сюртуке в театр, к знакомым. Необходимо перчатки и pince-nez. Перчатки он купил, но pince-nez не решился и мечтал только о нем. Там, в Петербурге, он его купит. Он остригся, потому что при примерке нового платья все было новое, кроме старых волн его густых, не желавших держаться аккуратно, русых волос. Так как он требовал от портных, чтоб те шили как можно уже в талии, то платья его смахивали в конце концов на платье с младшего брата. Сам Карташев, впрочем, этого не замечал - его стягивало, как в корсете, он этого только и желал. Ему показались рукава длинными: недостаточно виднелись из-под них манжеты - ему обрезали и рукава.

Наконец все было готово: и платье, и белье, и шуба, и башлык, и даже кожаные калоши. Непременно кожаные. Человек хорошего тона не наденет резиновых. Груда вещей занимала кабинет, лежала на стульях, столах, и Карташев в избытке чувства сам ложился тут же на диван, поверх какого-нибудь нового сюртука, положив ноги на новые штаны, и в каких-то волнах без образов плавал в своем удовлетворенном через край чувстве.

В новом платье он ходил к знакомым и жалел, что нельзя сразу все надеть: все платья, и шубу, и башлык, и калоши. О последних и речи не могло быть в конце июля - и в одном черном сюртуке была невыносимая духота. Но тем не менее как-то вечером, перед самым отъездом, провожая одну из Наташиных

подруг, Горенко, Карташев под предлогом прохладной ночи (ночь была удушливее дня) надел и пальто и калоши. Хотел даже надеть и башлык и барабашковую шапку, потому что в зеркале он так нравился себе в этой шапке.

- Вам не жарко? - спросила его участливо Горенко.

- Нет, - ответил серьезно и озабоченно Карташев, - у меня маленькая лихорадка, - и, чтобы быть вполне естественным, он даже засунул свои руки в перчатках в рукава своего пальто.

Горенко жила далеко, ночь была лунная, улицы пустынные, щелканье калош оглашало далеко кругом неподвижный воздух и доставляло их владельцу порядочное-таки неудобство.

Когда они подошли к дому, где жила Горенко, Карташев позвонил, и они ждали, пока им отвярят.

- Нет, вы сегодня неразговорчивы, - усмехнулась Горенко.

- Я вам говорю, что у меня лихорадка.

По двору раздались шаги дворника.

- Ну, желаю вам всего лучшего. Я все-таки хочу верить, что не ошиблась в вас... У кого есть такая сестра, как Наташа...

Горенко говорила с своей обычной манерой думать вслух.

- Прощайте...

Она быстро покала руку Карташева и скрылась прежде, чем закутанный Карташев сообразил что-нибудь.

Возвращение домой на этот раз было невеселое. Он всегда был уверен, что в глазах Горенко стоит на высоте. Ее последние слова одним взмахом сшибли его с подмостков... Теплое пальто давило плечи, калоши, утихшие было, стали снова отбивать такой назойливый тик, что Карташев с воплем: "А, будьте вы прокляты!" - вдруг махнул сперва одной ногой, затем другой, и калоши улетели и где-то далеко посреди улицы шлепнулись одна за другой. Но калоши все-таки представляли из себя капитал, и Карташев, удовлетворив свой гнев, отправился на розыски, нашел их и, держа их в руках, пошел дальше.

III

Завтра отъезд... Завтра все это исчезнет, и совсем другая обстановка уже будет окружать его, Карташева. Эта теперешняя никогда уже не возвратится. Приезд на каникулы будет только временным пребыванием в гостях, но своя жизнь будет уже не здесь - пойдет отдельно и так до конца. Все счеты таким образом сведены с этой жизнью - с гимназией, матерью, семьей. Все, что пошло жизнью, что делало ее будничной, теперь уж назади. Теперь это только близкие люди, которые ничего не жалели и не жалеют, чтоб дать все, что могут. Карташев в первый раз заметил, что мать его постарела и как будто стала меньше... Она нервно, озабоченно возилась около его вещей, старалась не смотреть на него и боролась с собою. Он видел это, видел, как все-таки тяжел ей был его отъезд, и несколько раз его тянуло обнять мать, расцеловать, обласкать. Прежде его ласкали, а теперь ждали его ласки. И он знал, что для матери его ласка была бы большим утешением, была бы счастьем. И тем не менее он не мог себя заставить быть нежным и ласковым, не мог вырваться из какого-то прозаического настроения. Что-то мешало. Конечно, не то доброе чувство, которое теперь в нем было, а скорее - страх, что иллюзия этого чувства разлетится, когда он исполнит свое желанье. Может быть, этого чувства хватило бы только, чтобы сделать первый шаг, а затем

он остался бы лицом к лицу с той матерью, перед которой стоял, когда удалили из дома Таню, когда его высыпали вон, когда насиловали его волю, когда к такой пошлой прозе сводились его порывы... Боже сохрани, он не хотел ничего помнить, не хотел ни в чем упрекать, он любил всей душой, но след, след оставался, и как тяжело экипажу свернуть с наезженной глубокой колеи, так было трудно вырвать что-то из сердца, что не зависело больше от Карташева. И мать это как-то инстинктивно чувствовала и, ничего не требуя, испытывала в то же время неприятное раздражение.

Доставалось Наташе, горничной, но с сыном она была только озабочена и при нем больше обращала внимания на его вещи, чем на него.

Пришел Корнев прощаться, тоже в новом костюме, задумчивый и сосредоточенный. Он сидел, грыз ногти, отвечал однозначно.

- Ну-с... - проговорил он и с неестественной улыбкой поднялся.

И в ту же минуту и он и все поняли, что пришло время расстаться, а с разлукой пришла и новая жизнь. Это стоял уже не мальчик, не гимназист Корнев, - это стоял молодой человек в черном сюртуке. Его лицо побледнело и по обыкновению, как то бывало с ним в минуты сильного волнения, слегка перекосилось.

- Ничего не поделаешь... надо прощаться...

Голос его хотел быть шутливым, но дрожал от волнения. Наташа стояла перед ним бледная, большие глаза ее покривились еще, и она точно испуганно смотрела в него, как бы стараясь вдруг вспомнить то, что все время до этого мгновенья вертелось у ней в голове.

- Вот как время летит, Наталья Николаевна, а впереди что?

Он на одно мгновенье пытливо, напряженно заглянул ей в глаза.

Наташа все продолжала во все глаза смотреть на Корнева и вряд ли сознавала что-нибудь, когда пожала ему руку.

Корнев вышел в переднюю, надел пальто, вышел на подъезд, перешел улицу, а Наташа бессознательно подошла к окошку и смотрела ему вслед. Корнев вдруг повернулся, точно какая-то сила толкнула его, и, увидев Наташу, сорвал свою шляпу и несколько раз низко и быстро поклонился. Это был прежний гимназист Корнев в засаленном пиджаке там в деревне, и глаза Наташи вдруг засияли волшебными огоньками.

IV

И день отъезда настал. Уезжали: Корнев, Карташев, Ларио, Дарсье и Шацкий.

Шацкий, несмотря на то, что познакомился очень недавно со всей компанией, уже сумел вызвать к себе общее нерасположение. Он, собственно, не был учеником гимназии и держал со всеми только выпускной экзамен. Он был то, что называется экстерн, или футурус. Выдержал Шацкий экзамен хорошо, но крайней эксцентричностью своих манер поражал и часто возмущал всех. Более других возмущался Корнев, не могший выносить этой высокой, развинченной фигуры, всегда в невозможном по безвкусию костюме, с претензией на какой-то шик, которого не только у него не было, но, напротив, все было карикатурно и уродливо до непозволительности. Ко всему Шацкий как-то без смисла и цели лгал: сегодня он граф, завтра князь, а в то же время все знали, что его родня занимается в городе торговлей.

Поезд отходил в семь часов вечера. Первым приехал на вокзал Шацкий,

одетый в полосатый костюм в обтяжку, долженствовавший изображать англичанина.

Худой, высокий, с маленькой рысью физиономией, с вечно бегающими глазками и карикатурно длинными руками и ногами, Шацкий, безобразно ломаясь, быстро ходил взад и вперед, что-то без голоса, фальшиво напевая себе под нос. Иногда он вдруг останавливался, широко расставляя свои длинные ноги, вытягивал свою рысью голову, усиленно мигал, точно соображал что-то, и затем, весело щелкнув пальцами перед своим носом, еще карикатурнее раскачиваясь и чуть не выкрикивая какой-то дикий, бессмысленный мотив, продолжал свою беготню по платформе.

В дверях показались Корнев и Ларио.

- Здесь уже? - брезгливо проговорил Корнев, увидев Шацкого. - Готов пари держать, что его все принимают за идиота.

Ларио, широкоплечий, коренастый, с круглым румяным лицом, с большими близорукими карими глазами, бойкий только в своей компании и очень конфузливый в обществе, в ответ на слова Корнева прищурился, оглянулся платформу и спешно произнес:

- Послушай, сядем вот в том уголке.

Усевшись на зеленую скамейку подальше от публики, Ларио на мгновение почувствовал себя удовлетворенным, но вскоре опять заерзал.

- Рано приехали... - сказал он, прищурившись.

Помолчав еще, он с напускной бойкостью спросил Корнева:

- А что, Вася, как насчет пивка?

- Пивка так пивка, - ответил Корнев.

- Молодец, - вдруг ожился Ларио, - люблю таких. Гарсон, пару пива! Терпеть я, Вася, не могу всякого этакого собрания.

- А я вот терпеть не могу таких, как этот Шацкий.

Шацкий, не обращая внимания на товарищей, продолжал бегать взад и вперед.

- Ну, что ты против него имеешь? В сущности, ей-богу, он ничего себе.

- Ты думаешь? - спросил Корнев, принявшиесь за свои ногти. - Послушайте, вы, - примирительно окликнул он Шацкого, - подите сюда.

Шацкий, засунув руки в карманы своей английской куртки, подошел к сидевшим и, широко расставив длинные ноги, уставиллся в Корнева, стараясь замаскировать некоторое смущение пренебрежительным выражением лица.

- Ну, одним словом, настоящий англичанин, - сказал пренебрежительно Корнев. - Вы сегодня кто: граф, князь, барон?

Шацкий рассмеялся, но, сейчас же скривив серьезную физиономию, церемонно ответил:

- Маркиз, вы слишком любезны...

- А вы, князь, шут гороховый... то бишь, я хотел вам предложить один вопрос: приедет ли ваша пышная родня вас провожать сегодня?

- Нет, лорд, я уезжаю инкогнито.

- Это значит, что вы все-таки не добились разрешения на ваш отъезд. Откуда же вы в таком случае достали денег? Мне страшно подумать, князь: неужели вы решились на преступление и, говоря грубым жаргоном обитателей тюрьмы, попросту украли у вашего батюшки деньги?